

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Maggie Stiefvater
FOREVER

Copyright © 2011 by Maggie Stiefvater.
Cover design & art © 2014 by Christopher Stengel
All rights reserved. Published by arrangement with Scholastic Inc., 557
Broadway, New York, NY 10012, USA

Стивотер, Мэгги.

С80 Вечность / Мэгги Стивотер ; [пер. с англ. Е. Ефимовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 544 с. — (Young Adult. Бестселлер Мэгги Стивотер).

ISBN 978-5-04-103763-5

От автора культового цикла «Воронята»!

Прошлое

Когда Сэм повстречал Грейс, он был волком, она девушкой. Но юноше удалось найти способ остаться в человеческом теле, и у них появился шанс спасти свою любовь.

Настоящее

Неужели им не суждено быть вместе? И Грейс, превратившаяся в волчицу, будет убита во время охоты, открытой на волков?

Вечность

Сэм готов на все ради Грейс. Но сумеет ли он в одиночку выстоять в борьбе с враждебным миром? Прошлое, настоящее и будущее встретятся в одном ослепительном мгновении, которое решит судьбы всех обитателей городка Мерси-Фоллз.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Ефимова Е., перевод на русский язык,
2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103763-5

*Для тех, кто выбрал
«да»*

Ach der geworfene, ach der gewagte Ball,
füllt er die Hände nicht anders mit Wiederkehr:
rein um sein Heimgewicht ist er mehr.

О, брошенный мяч, мяч отважный,
Разве не кажется он другим по возвращении:
Не становится ли тяжелее, вернувшись домой?

Райнер Мария Рильке

ПРОЛОГ • ШЕЛБИ

Я могу быть очень, очень тихой.

Спешка разрушает хрупкую тишину. Нетерпение портит охоту.

Поэтому я выжидаю.

Скольжу сквозь тьму неслышной тенью. Кое-где лунный свет пробивается сквозь сплетение ветвей, и тогда видно, как медленно, подобно созвездиям, плывут в воздухе пылинки.

Я крадусь бесшумно, осторожное дыхание вырывается из оскаленной пасти. Подушечки лап беззвучно касаются влажной земли. Мои ноздри раздуваются. Я слушаю стук своего сердца, перекрывающий приглушенный плеск воды в речушке.

Под моей лапой зарождается сухой треск.

Я замираю.

Жду.

Медленно начинаю двигаться, постепенно убираю лапу с ветки. Я думаю: «Тихо». Дыхание холодит мне клыки. Неподалеку слышится какой-то звук — там что-то шевелится. В животе все сжимается от напряжения.

Под покровом темноты иду дальше. Настороженно повожу ушами: рядом есть перепуганное животное. Олень? Какое-то ночное насекомое раздражается серией стрекочущих звуков, когда оно умолкает, я иду дальше. Насколько велико это животное? Если оно ранено, я справлюсь с ним и одна.

Что-то касается моего плеча. Что-то мягкое. Нежное. Хочется вздрогнуть.

Хочется повернуться и схватить это нечто зубами.

Но я двигаюсь тихо. Долгое-долгое мгновение я не шевелюсь, а потом поворачиваю голову — посмотреть, что это щекочет мне ухо, словно перышко.

Это нечто такое, чему я не могу подобрать названия, оно парит в воздухе, колышется под дуновением ветра. Предмет снова касается моего уха, опять, опять и опять. Разум горит огнем, пытается вспомнить название.

Бумага?

Не понимаю, почему она здесь, висит на ветке, как древесный лист, но это не лист. Дальше, на земле, разбросаны вещи, пропитанные незнакомым, враждебным запахом. Шкура какого-то опасного животного, сброшенная и оставленная здесь. Я отшатываюсь от этих вещей, верхняя губа приподнимается, обнажая зубы, а потом я вдруг вижу свою жертву.

Вот только это не олень.

Это девушка — лежит, скорчившись, в грязи, поскуливает, пальцы царапают почву. В лунном свете ее тело выделяется на черной земле белым пятном. От нее волнами исходит страх, и я жадно втягиваю носом этот запах. Я и так уже чувствовала себя неуверенно, а те-

перь шерсть на загривке встает дыбом. Девушка не волк, однако пахнет волком.

Я двигаюсь очень тихо.

Девушка не видит, как я приближаюсь.

Когда она открывает глаза, я уже прямо перед ней, почти касаюсь носом ее лица. Она тяжело дышит, горячее дыхание бьет мне в морду, но при виде меня дыхание ее замирает.

Мы глядим друг на друга.

Чем дальше она смотрит мне в глаза, тем больше шерстинок встает дыбом у меня на спине.

Ее пальцы скребут землю. Когда она двигается, то меньше пахнет волком — с каждой секундой от нее все сильнее разит человеком. «Опасность!» — шипят инстинкты.

Я показываю зубы; я пячусь. В голове лишь одна мысль: нужно бежать, так чтобы меня окружали только деревья, нужно убраться подальше от этого существа. Я вдруг вспоминаю о висящей на дереве бумаге и о валяющейся на земле сброшенной шкуре. Я чувствую себя загнанной в угол — передо мной эта странная девушка, позади — чуждый этому лесу лист. Я припадаю к земле, так что живот касается сухих листьев, поджимаю хвост.

Рык рождается в груди так медленно, что я вначале чувствую его у себя на языке и лишь потом слышу.

Я оказалась в ловушке между девушкой и предметами, пахнувшими ею — они висят на ветвях и валяются на земле. Девушка по-прежнему смотрит мне в глаза, бросает мне вызов, удерживает меня на месте. Я ее пленница и не могу сбежать.

Как только она закричит, я ее убью.

ГЛАВА 1 • ГРЕЙС

Мало того, что я стала оборотнем, так еще и в воровку превратилась.

Я пришла в себя уже человеком на краю Пограничного леса. Не знаю, в какой именно его части; куда ни глянь, всюду, на многие-многие мили, растут деревья. Гораздо проще путешествовать по лесу в волчьей шкуре. Девушке идти по лесу гораздо труднее. День выдался теплый, приятный — отличный денек по стандартам Миннесоты. Гулять в такую погоду одно удовольствие, если вы одеты и знаете дорогу. Ни тем, ни другим я похвастаться не могла.

Все тело болело. Судя по ощущениям, мои кости сначала вылепили из пластилина, а потом снова расплющили и скатали в ровные брусочки. Кожа горела огнем и чесалась, особенно в области лодыжек, локтей и коленей. В одном ухе звенело. В голове стоял туман, в глазах двоилось. Меня не покидало неприятное ощущение дежавю.

Больше всего нервировал тот факт, что я не только заблудилась, но еще и нахожусь голая в лесу в двух шагах от цивилизации.

Вокруг лениво жужжали мухи, а я стояла и озира-

лась, пытаюсь определить, в какую сторону идти. Наконец я заметила за деревьями несколько домиков. Под ногами у меня лежал разорванный черный пакет из-под мусора, а все его содержимое валялось на земле. Вполне возможно, это был мой сегодняшний завтрак, но мне не хотелось об этом задумываться.

Честно говоря, мне вообще не хотелось думать. Мысли вспыхивали несвязными обрывками, выплывали из глубин сознания, словно полубытые сны. Способность соображать постепенно возвращалась ко мне, и я вспомнила, что уже много раз становилась человеком. Снова, и снова, и снова я приходила в себя в разной обстановке.

На меня медленно накатывало осознание того, что сегодня я превратилась в человека не в первый раз в этом году. И я забыла все, что было со мной между этими превращениями. Ну, почти все.

Я крепко зажмурилась. Перед глазами стояло его лицо, желтые глаза, темные волосы. Я помнила, как его пальцы переплетались с моими, помнила, как сидела рядом с ним в машине — кажется, этой машины больше не существует.

Но я не могла вспомнить его имя. Как же я могла забыть его имя?

Где-то вдалеке раздалось шуршание шин по гравию. Звук медленно затихал, потому что автомобиль отъезжал все дальше, и это живо напомнило мне о том, что я всего в шаге от реального мира.

Я снова открыла глаза. Не нужно сейчас думать об этом человеке, не стоит. Память сама вернется ко мне, а пока нужно сосредоточиться на насущном.

Мне предстояло сделать простой выбор. Можно вернуться в теплый, весенний лес и надеяться, что вскоре я опять превращусь в волка. Увы, в данную минуту я чувствовала себя стопроцентным человеком. Осознав это, я немедленно отказалась от идеи обратиться за помощью к живущим в том маленьком синем доме людям. В конце концов, я, похоже, угостилась обедками с их стола, и, судя по разбросанному на полянке растрепанным мешкам, мусором их соседей тоже не побрезговала. И потом, эта идея сопряжена со множеством проблем. Даже если я сейчас человек, кто знает, надолго ли? Вот будет номер: я выхожу к людям из лесной чащи в чем мать родила. Не представляю, как можно объяснить такое, избежав отправки в больницу или в полицейский участок.

Сэм.

Это имя вернулось ко мне внезапно, а вместе с ним еще тысяча разных вещей: стихи, прочитанные на ухо шепотом; гитара в его руках; его резко очерченные скулы; то, как его пальцы поглаживали страницы книги, когда он читал. Цвет стен книжного магазина, в котором Сэм работал; список наших с Сэмом планов на будущий год. И все остальное тоже вернулось: Рейчел, Изабель, Оливия. Том Калпепер выбрасывает из машины мертвого волка передо мной, Сэмом и Коулом.

Мои родители. О Господи! Мои родители. Я вспомнила, как стояла в их кухне, чувствуя, что внутри меня рвется наружу волчица, и ругалась с ними из-за Сэма. Вспомнила, как собрала в рюкзак вещи и сбежала в дом Бека. Вспомнила, как захлебывалась собственной кровью...

Грейс Брисбен.

Я забыла все это, будучи волчицей, и скоро снова лишусь всех воспоминаний.

Я присела на корточки, потому что стоять вдруг стало трудно, и обняла руками голые колени. Мимо моего большого пальца прополз коричневый паук, но у меня не было сил отдернуть руку. В ветвях деревьев беззаботно щебетали птицы. Пятна солнечного света играли на лесной подстилке и согревали мое тело. В молодой зеленой листве тихо пел теплый весенний ветерок. Лес вокруг меня вздыхал снова и снова. В мое отсутствие природа жила по своим законам, сменилось время года, а я сидела на мертвых листьях, чувствуя себя очень маленькой, и не понимала, к какому миру принадлежу и что мне теперь делать.

Потом теплый ветерок принес почти невыносимое благоухание сырного печенья, взъерошил мне волосы и поставил перед выбором. Кто-то из местных жителей, преисполнившись оптимизма на почве хорошей погоды, развесил белье сушиться на заднем дворе за кирпичным одноэтажным домиком. Целая вереница возможностей, аккуратно закрепленных на веревке прищепками. Кто бы ни жил в этом доме, он был на несколько размеров больше меня, но одно из платьев похоже, имело на талии пояс. Следовательно, оно могло мне подойти. Правда, чтобы надеть это платье, придется его сначала украсть.

Мне случалось совершать множество вещей, которые другие люди сочли бы неправильными, но украсть еще не доводилось. До сих пор. Никогда еще я не за-